

Ситников Юрий

Я
ИДУ
ТЕБЯ
ИСКАТЬ

№ 1

2

12+

Юрий Вячеславович Ситников

Я иду тебя искать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65286861

SelfPub; 2021

Аннотация

Одноклассник Глеба Витька Комаров пропал в самом начале учебного года. В день исчезновения его видели в машине бизнесмена Степанова, который упорно отрицает факт знакомства с Витькой. Сам Степанов ведёт себя крайне подозрительно: ночью отправляется в супермаркет на поиски некоего свёртка, из-за которого позже с ним происходит несчастный случай. А между тем в городе продолжают пропадать люди. Глеб с друзьями начинают собственное расследование, оно приводит их в магазин сувениров, принадлежащий старухе по прозвищу Горбоносая. Ребята догадываются, Горбоносая совсем не та, за кого себя выдаёт. Ведь на прилавках её магазинчика продаются необычные сувениры – миниатюрные копии исчезнувших людей...

Юрий Ситников

Я иду тебя искать

Глава первая

Исчезновение Витьки

– Ребятам, слушайте, Витька Комаров пропал! – крикнула Надя, вбежав в класс. – Его мама у директора сидит. Витька со вчерашнего дня дома не появлялся.

– А он вчера в школе был?

– Вроде нет.

– Был.

– Разве?

– Точно был, – сказала Соня. – Но после третьего урока ушёл.

– И что с ним могло случиться? – Катя вертела в руках ручку, до конца не веря в правдивость Надиных слов.

– Откуда я знаю, говорю, что слышала. Мама его плачет.

Димон толкнул меня локтем в бок.

– Глебыч, думаешь, Комар реально пропал?

Я пожал плечами. Витька, конечно, ещё тот кадр, запросто может выкинуть какой-нибудь фокус, но чтобы не прийти домой ночевать! Нет, такое даже для Витьки – перебор.

– Не знаю, Димон. Но по-любому с нами должны будут поговорить.

– Кто?

– Хотя бы Витькина мать.

– А я сомневаюсь... – договорить Димон не успел. В классе, сопровождаемая Ниной Владимировной и директрисой, появилась Витькина мама.

Лицо её было бледно, вокруг глаз тёмные круги, губы дрожали. Сомнения моментально испарились – Витька действительно не вернулся домой. Нас просили рассказать всё, что хоть как-то могло помочь в его поиске. Алла Николаевна, не сдержавшись, расплакалась. Нина Владимировна усадила её за свой стол, принесла воды, успокаивала, как могла. Директриса ждала от нас информации.

А что мы могли сказать, чем помочь? Последний раз Витьку видели в школе вчера, и то, как выяснилось, видели не все. Я напряг память. С Комаром я разговаривал на первой перемене. Он спросил, есть ли у меня запасные наушники, я посоветовал обратиться к Димону. Об этом и рассказал сейчас Анне Анатольевне.

Димон подтвердил:

– Витька спрашивал меня про наушники.

– Витя ушёл из школы после третьего урока, – повторила Сонька.

– А кто-нибудь видел, как он уходил?

– Я видела, – Соня встала и, стараясь не смотреть в глаза Алле Николаевне, тихо сказала: – Четвёртым уроком у нас биология, я спустилась на первый этаж и столкнулась с Ви-

тей.

– Он не с тобой спускался?

– Нет. Он стоял у стенда с расписанием. Я спросила его, подготовил ли он доклад по биологии...

– Тебе как всегда больше всех знать надо, – не сдержалась Светка.

– Парамонова! – прикрикнула директриса.

– Да, представь себе, – Соня повернулась к Светке и выпалила: – Биологичка сказала... Ой, извините, Татьяна Юрьевна сказала, пока все не сделают доклады, новую тему не начнём. Остался один Витька. Поэтому я и спросила про доклад.

– А дальше, Соня.

– Доклад он не сделал, а когда я начала возмущаться, сказал, что вообще не собирается идти на биологию. Развернулся и вышел из школы.

– Больше Виктора никто из вас не видел? Днём, вечером? Может, кто-то разговаривал с ним по телефону? Ребята, вспомните, это очень важно.

– Нет, Анна Анатольевна.

– Не видели.

– Не разговаривали.

– Я хотел позвонить ему вечером, – сказал Стасон. – Но потом передумал.

Алла Николаевна поднесла к глазам платок.

– Витя не рассказывал, у него не было неприятностей? Не жаловался?

– Нет. А что с его телефоном?

– Телефон отключён.

– А в полицию вы обращались?

– Дима, – Нина Владимировна посмотрела на Димона с укором, – что за вопрос, конечно, Алла Николаевна была в полиции. Написала заявление.

– Его приняли? Просто, говорят, заявления принимают только на третий день после исчезновения человека.

– Пропал подросток, школьник, – жёстко ответила директриса. – Они обязаны взять заявление и в срочном порядке принять меры. Алла Николаевна, не волнуйтесь, всё нормализуется. Пойдёмте. Нина Владимировна, ведите урок.

Уже в дверях Витькина мама остановилась и обратилась к нам:

– Пожалуйста, если что-то узнаете или вспомните, звоните... в любое время звоните. Прошу вас.

Урока как такового не было. Все мысли были заняты Витькой Комаровым. Снова и снова мы пытались понять, что могло с ним случиться, строили предположения, выдвигали всевозможные гипотезы.

– Неделю назад в Подмосковье семиклассница пропала, – сказала Светка.

– Её нашли?

– Да.

– Где она была?

– В лесу.

– Ой, – испугалась Соня. – Так она...

– Девушку задушили.

– Света, перестань!

– Нина Владимировна, но это правда. А месяц назад...

– Не надо нагнетать. Я в курсе, что каждый день пропадают люди, но давайте будем оптимистами. С Витей всё в порядке, я уверена.

– Тогда где он?

– Не знаю.

– Короче говоря – измена, – выдохнул Димон.

– Полная, – согласился Стасон.

Алиска ждала меня на первом этаже возле раздевалки.

– Мы куда-то должны идти? – спросил я, судорожно вспоминая, на что мог согласиться и сразу же об этом забыть.

– Нет.

– У вас сегодня шесть уроков, я думал, ты уже дома.

– Глеб, я слышала про Витьку. Это правда?

– Ага.

– Ужас! Привет, Дим, – Алиса кивнула подошедшему Димону и села на скамейку. – Говорят, с его мамой в кабинете директора случилась истерика.

– Ты сама Витьку когда последний раз видела?

– Дня три назад.

– Глебыч, у Люськи сколько сегодня уроков?

– Как у нас – семь.

– Трубку почему-то не берёт.

– У них только что физра закончилась, – сказала Алиса.

– Тогда ясно. Предлагаю дождаться Люську и пойти в пиццерию.

Люська первым делом заговорила про Витьку:

– Жесть! Нам когда сказали, что он пропал, я не поверила.

Прикиньте, я ж его вчера видела.

– В школе?

– Нет. Он из школы вышел и сел в машину.

Алиса аж подпрыгнула на месте.

– В какую машину?

– В обыкновенную. Чёрная иномарка. Я и владельца знаю

– Александр Степанов, живёт в нашем подъезде.

– Это бизнесмен, что ли? Такой высокий толстый дядька, да? – уточнил я.

– Ну да.

– Люсь, – я усадил сестру на скамейку и сел рядом, – ты уверена, что Комар садился в машину Степанова?

– Вроде да.

– Уверена или нет?

– А что за наезды, Глеб?

– Это не наезды. Витькина мать с ума сходит, важна любая информация. Если ты действительно видела, как Витька садился в машину Степанова, то мы немедленно должны рассказать об этом полиции. Понимаешь?

Люська начала обкусывать губы.

– Сейчас я уже не уверена.

– Люсь, ну как так может быть?

– Алис, я не могу точно сказать, что видела, как Витька садился в тачку.

– Но ты именно так сказала.

– Преувеличила. Я видела Витьку. Он стоял на крыльце. А потом к школьным воротам подъехала машина Степанова.

– Стоп. Откуда ты знаешь, что это его машина? Может, обозналась.

– Глеб, я разбираюсь в марках машин. И потом, номерок-то степановский.

– А что Витька?

– Он спустился по ступенькам и... вроде подошёл к машине.

– Опять вроде!

– Я не могу сказать наверняка.

– Вроде подошёл, вроде сел, вроде уехал.

– Да, вроде!

– Так ты видела, как он садился, или нет?

Люська посмотрела на Димона и пожалала плечами:

– Я с Наташкой разговаривала, за Комаровым специально не следила. Так, краем глаза отметила, что по лестнице спускается. Но до ворот он точно дошёл и... по-моему... нет, утверждать не буду.

– Машина долго у ворот простояла?

– В том-то и дело, что она почти сразу с места сорвалась. Наверное, поэтому я и решила, что Витька в салоне.

– Н-да, с такой непроверенной инфой в полицию не пойдёшь.

– Почему? – удивилась Алиса. – Расскажем им, а они уже пусть выясняют.

– Что расскажем, Алис? Как Люська болтала с Наташкой и краем глаза что-то там заметила, но сама ни в чём не уверена?

– Ладно, – Димон похлопал меня по плечу. – Пойдёмте в пиццерию, есть охота. Там решим.

– Мы с Глебом не можем, – сказала Люська.

– Это почему, интересно, вы не можете?

– Действительно, – я был удивлён не меньше Димона. – Ты вообще о чём?

– Правильно, уже забыл. Если бы не я, отправился бы сейчас в пиццерию. А к нам, между прочим, сегодня пра приехала.

– Ёлки-палки! Точно. Совсем забыл, Люсь.

– Оно и видно.

– Э, Глебыч, что за пра?

– Прабабушка.

– Ого! У вас есть прабабушка? Я не знал. А чья она мать, Люсь?

– Дианы.

– Круто. И сколько ей лет?

– Много!

– Пра со старшей дочерью живёт в Финляндии, к нам редко приезжает, – пояснил я.

– Но когда приезжает, квартира превращается в сумасшедший дом, – засмеялась Люська.

– В смысле?

– У пра с памятью серьёзные проблемы.

– Маразм?

– Всего понемногу. Память дырявая, как дуршлаг. Может с тобой разговаривать, а через минуту обо всём забыть. Но, вообще-то, она у нас прикольная.

– Интересно, – я перекинул через плечо рюкзак, и мы пошли к выходу, – она одна или опять со своей жучкой прилетела?

– Не напоминай мне про этого монстра, – Люська поёжилась. – Бр-р-р. Таскается всюду с собакой, а та такая противная. Визжит вечно. Фу!

– Большая собака?

– Ага, огромная. Той-терьер. Величиной с пульт от телевизора.

– Такая масечка, – улыбнулась Алиса.

– Эта масечка – хуже Гитлера. От неё шума – как от взбесившегося бульдозера.

– Не преувеличивай, Люсь.

– Я преувеличиваю? Глеб, скажи ей.

– Да, псинка действительно шумная.

– Как её звать-то?

– Кого ты имеешь в виду: нашу пра или её зверюгу?

– И ту и другую.

– Собаку вроде... Хитти. Или Хиппи. Глеб, не помнишь?

– Хитти.

– А пра?

– Ева Адамовна.

– Ева Адамовна? – засмеялся Димон. – Круто!

– Круче не бывает, – Люська вздохнула и вдруг предложила: – А пойдёмте к нам, заодно с пра познакомитесь.

– Я с удовольствием, – закивала Алиса.

– И я с вами.

– Наивные, – Люська толкнула меня в бок. – Они не подозревают, на что соглашаются.

Глава вторая

Ложь бизнесмена Степанова

В коридоре нас встретила Диана.

– Наконец-то пришли! Мне уезжать надо, маму одну оставить нельзя.

– Подожди, – насупилась Люська. – Намекаешь, мы должны постоянно быть рядом с пра?

– А как же, Люсьена. Она практически ничего не помнит, не дай Бог, выйдет из дома или включит плиту.

– Диан, мы так не договаривались.

Диана посмотрела на меня с мольбой:

– Глеб, мама приезжает раз в два-три года. Ну что мне, отказаться от съёмок?

– Не перегибай палку. Будем рядом с пра. Или я, или Люська.

– Я знала, на вас можно положиться.

– Надолго пра приехала?

– На месяц, – ответила Диана из своей комнаты.

– Обалдеть, – прошептала Люська. – Целый месяц быть привязанной к дому – полный аут.

– Люсь, она наша прабабушка.

– Знаю-знаю, но мне интересно, кто с ней будет сидеть, когда мы в школе.

Услышав слова Люськи, Диана сказала, что скоро у неё намечается двухнедельный отпуск.

– Знаю я твои отпуска – с утра куда-нибудь уедешь и вернёшься ночью. Там озвучка, там пробы, там репетиция.

– Не злись, Люсьена, на первое время я договорилась с Ингой, она будет при маме с утра до вашего возвращения из школы.

– Нашла кого попросить, – буркнула Люська.

Инга жила в нашем подъезде, на втором этаже. Ей было лет сорок, и все поголовно называли её старой девой. Высокая, нескладная, неуклюжая, с грубым голосом, Инга вечно была чем-то недовольна. Лицо суровое, взгляд хмурый – по моему, она даже улыбаться не умеет.

– Ну всё, я убегаю, – Диана надела туфли, взяла сумочку

и, потрепав Димона по волосам, вышла.

– Так всегда: все стрелки на нас переведёт, а сама смоеется.

Где вообще пра? Спит, что ли, с дороги?

Не успела Люська дойти до своей комнаты, как из гостиной, на тонких кривоватых ножках, боязливо вышла Хитти.

– Худшие опасения оправдались – Хитти тоже с нами.

Вертя маленьким хвостиком-обрубком, Хитти принялась и зашла лаем.

– Прелесть, – умилилась Алиса. – Иди ко мне. Иди, маленькая, не бойся.

Хитти вытаращила глазищи и подбежала к Алисе.

– Она не укусит, Глеб?

– Понятия не имею.

– По идее, не должна, – Димон наклонился и осторожно провёл кончиками пальцев по гладкой шерстке Хитти. – Алис, гладить можно.

– Только осторожно, – предупредила Люська. – Эта каракатица очень хрупкая. Чуть не рассчитаешь – ей каюк.

Алиса возилась с собакой, Димон пошёл мыть руки, мы с Люськой в нерешительности стояли у двери гостиной.

– Готова? – спросил я.

– Готова.

– Тогда пошли.

– Пошли. Алис, хватит с собакой обниматься. Идём с нами. Где Димка?

– Я здесь.

– Подтягивайся.

Мы вошли в гостиную. Пра сидела в мягком кресле, держа в руках пульт от телевизора. Взглянув на Алиску, я не смог сдержать улыбку. Они с Димоном полагали, что наша пра выглядит как обычная старушенция, которая привыкла сидеть на лавочке у подъезда, щёлкать семечки и перемывать кости соседям. Ничего подобного. В отличие от ровесниц, давно смирившихся с почтенным возрастом, пра до сих пор не считала себя старой. Всегда аккуратная причёсана, на ногах не тапки, не шлёпки, а только кожаные туфли на плоской подошве; из одежды пра предпочитала исключительно брючные костюмы – в одних ходила на улице, в других дома. Никаких халатов, старых кофточек и бесформенных юбок.

– Привет, пра! – крикнула Люська.

Пра обернулась.

– Боже мой! Боже мой! – заголосила она, с легкостью встав с кресла. – Вот и птенчики мои прилетели.

– Здравствуй, пра!

– Виталик, – пра заключила меня в объятия. – Мальчик мой! Как вырос, возмужал. Сколько тебе лет, детка?

– Пра, я, вообще-то, Глеб.

– А я как тебя назвала?

– Виталик.

– Не могла я такого сказать. Не выдумывай. Мальчик мой!

Глебушка!

Потом пра перевела взгляд на Алису и раскинула руки.

– Любаня, детка, как ты изменилась!

– Ой, а вы... вы перепутали, – Алиска залилась краской.

– Пра, это меня надо обнимать, – усмехнулась Люська. –

Я твоя правнучка.

– Любаня!

– Люся.

– Люся? Мне не нравится это имя – слишком много плохих воспоминаний. Была у меня подруга, Люсей звали. Как сейчас помню, поехали мы с ней в пятьдесят втором году в Ташкент. Зачем поехали, уже не помню, но точно знаю, что в Ташкенте Люська меня сильно обидела. Чем – не помню, но обидела очень сильно.

– Пра, давай ты позже нам расскажешь.

– Подожди, Виталик. Так вот, потом мы с Люськой помирились, а в шестьдесят девятом году, летом... Или в семьдесят седьмом, осенью? Забыла. – Пра нахмурилась. – О чём я вообще рассказывала?

– О подруге своей – Люсе.

– Ах да, о Люське! Хорошая была женщина, царствие ей небесное. Год назад скоропостижно скончалась. Главное, не болела ничем, а тут возьми, и умерла через десять дней после сто первого дня рождения. А говорят, больные только умирают. Ничего подобного. Бывает и здоровый человек ни с того ни с сего помрёт. Вот как Лидка...

– Какая Лидка, пра? Ты про Люсю рассказывала.

– Кто такая Люся?! Знать не знаю никаких Люсь. Одно-

классницу мою Раей звали. Помню, поехали мы с ней... или пошли? А может, и полетели... В общем, хорошие выдались выходные.

– Мы попали, – шепнула Люська Димону. – Пра, и всё-таки меня зовут Люся, а не Люба.

– Иди, я тебя обниму, детка. Какая ты красавица! А это кто такие? – пра кивнула на Димона с Алиской. – Я их не помню.

– Это Димка, мой друг.

– Симпатичный мальчик, – пра провела ладонью по щеке Димона и улыбнулась.

– Пра, а это Алиса, – сказал я. – Моя девушка.

– Алиса... Красивое имя. И ты тоже красивая. Только худенькая очень. Тебя дома кормят, детка?

– Алиска у нас вечно на диетах сидит, – прыснула Люська.

– Любаня, и ты здесь? – воскликнула пра, бросившись обнимать Люську.

– Мы уже здоровались, – проворчала Люська. – И я не Любаня. Я Люся!

Хитти загавкала, пра нагнулась и взяла собачку на руки. Потом отошла к дивану, села и о чём-то задумалась.

– Ну, как вам наша пра? – спросил я у ребят.

– Прикольная.

– Зачётная у вас пра, Глебыч.

– Если бы не проблемы с памятью, цены бы ей не было.

– Люсь, всё-таки возраст у неё такой. Делай на это скидку.

Люська посмотрела на притихшую пра и шмыгнула носом.

– Сама знаю. Она у нас лучшая.

Хитти начала вырываться и тявкать.

– Детка, веди себя прилично, – шёпотом сказала ей пра. –

Мы не дома, здесь нельзя шуметь.

– Как не дома, пра? Ты чего? – Люська села на край дивана.

– Я, детка, скажу тебе по секрету, – пра поманила Люську пальцем и покосилась в нашу сторону. – Лечу сейчас к дочери в Москву. Она у меня знаменитая балерина...

– Актриса.

– Ты её знаешь?

– Пра, ты уже прилетела к Диане.

– Не может быть! А ты кто?

– Люся.

– Детка, я так рада тебя видеть! Соскучилась я по вас с Виталиком. Кстати, детка, а почему ты одна приехала меня встречать?

– Глеб, сделай что-нибудь, – одними губами прошептала Люська.

Я подошёл к пра и предложил ей отдохнуть с дороги:

– Ты наверняка устала. Не хочешь прилечь?

– Глеб, ты такой внимательный мальчик. Да, я хочу прилечь. Ночью не спала, переживала. Я так боюсь этих самолётов... Как представляю, что надо будет войти в салон и сесть

в кресло... душа в пятки уходит.

– Не будем тебе мешать, отдыхай. А потом попьем чаю.

– Да, да, конечно. Кстати, – окликнула нас пра, когда мы были уже в дверях. – Почему зал ожидания такой маленький?

– Идите, – сказала нам Люська. – Я уложу её, а потом приду.

В коридоре я услышал голос пра:

– Детка, ты такая заботливая. Совсем как моя внучка – Любаня.

Люська пришла на кухню минут через пятнадцать.

– Пра заснула?

– Вроде заснула. Теперь надо эту вредительницу куда-нибудь определить, чтобы она своими воплями её не разбудила.

– Люсь, дай Хитти мне. Она такая милая.

– Иди к Алиске, чудовище! Судя по всему, у вас любовь с первого взгляда.

– Мы о Витьке говорили, – напомнил Димон. – Решили просканировать Степанова. Если он подъезжал к школе, то это может быть важной зацепкой.

– Могу смотаться к нему прямо сейчас. Я с его дочерью общаюсь.

– Люсь, без подготовки нельзя.

– Брось, какая подготовка. Тем более есть у меня одна

идейка.

– Колись.

– Ничего говорить не буду, чтобы не сглазить, – Люська подошла к окну. – Машина стоит во дворе, значит, Степанов дома. Ну, рулю к нему.

– Люсь, не наломай дров.

– Не бойсь, у меня всё под контролем.

Состроив недовольную гримасу, Люська позвонила в дверь Степановых. Машка открыла почти сразу.

– Приветик.

– Привет, Маш. Отец дома?

– Да.

– Можно с ним поговорить?

– Проходи. Только подожди пару сек, я посмотрю, не спит ли он.

– А я всегда думала, бизнесмены целыми днями на работе пропадают, а твой папаша дома сидит. Да ещё спит днём.

– Люсь, у папы ангина.

– Прости, я не знала.

Через минуту Маша разрешила пройти в комнату отца:

– Не спит, заходи.

Степанов, в халате и с перевязанным горлом, сидел за компьютером.

– Маша говорит, у тебя ко мне дело. Садись.

– Нет, дядя Саш, я постою. А вообще, я пришла к вам ругаться.

Степанов засмеялся:

– Люсь, зачем ругаться-то?

– Вы вчера, когда от нашей школы отъезжали, окатили меня грязью. А я в светлых брюках была. Застирала, конечно, но пятна всё равно остались.

Александр Сергеевич нахмурился, кашлянул и замотал головой:

– Ты ошиблась. Вчера я не проезжал мимо вашей школы.

– Как не проезжали? Я же видела вашу машину.

– Получается, не мою.

– Дядя Саш...

– Люсь, я третий день из дома не выхожу. Ну хочешь, у Машки спроси.

Люська сникла.

– Хм, странно... Неужели обозналась?

– Конечно, обозналась. Бывает. А этих водителей-лихачей я бы прав лишал. Брюки совсем испорчены?

– Не в брюках дело. Дядя Саш, извините. Ошибочка вышла.

– О чём разговор, Люсь. Всё в порядке.

Машка подтвердила: отец третий день безвылазно сидит дома.

– Утром ухожу в школу, он ещё спит, возвращаюсь – сидит за компом. А ты зачем к нему приходила-то?

– Да так. Неважно. Маш, слышала про Комарова?

– Ага. Говорят, он из дома убежал.

– Врут. Он не вернулся из школы и не ночевал дома.

– Представляю, каково сейчас его родителям.

– Да уж, несладко им. Ну я пойду, пока.

– Пока.

Дома Люська сказала нам вот что:

– Степанов врёт и не краснеет. Сидит перед компом, с перевязанным горлом. Типа ангина у него. Уверяет, что третий день не выходит из дома.

– А почему сразу врёт? Заболел человек, дома сидит – вполне логично. Комар не в его машину садился. Если вообще садился.

– Глеб, я даю стопроцентную гарантию – вчера у школы останавливалась тачка Степанова. И за рулём сидел он.

– Ты не можешь утверждать.

– А кто мог там сидеть? Машка? Ольга Евгеньевна? Так они водить не умеют. Остаётся только дядя Саша.

– Твоё слово против его слова. Кому из вас верить?

– Мне! Хочешь, докажу?

– Докажи. Только не ори, пра разбудишь.

– Идите сюда, – Люська позвала нас к окну. – Скажите, что вы видите во дворе?

– Ничего.

– Глеб, не тормози.

– Я имею в виду, ничего особенного там нет.

– А всё-таки.

– Деревья, кусты, – сказал Димон.

– Люди идут, – улыбнулась Алиса, укачивая на руках при- тихшую Хитти.

– Деревья, люди, птички, – передразнила Люська. – Рас- кройте глаза. Машины припаркованные видите?

– Видим, конечно.

– На степановскую тачку посмотрите.

– Тачка как тачка.

– То есть ничего необычного вы не замечаете?

– Нет.

– Хорошо, буду разговаривать с вами, как с идиотами. Начнём с тебя, Глеб. Скажи, сколько машин стоит рядом с машиной Степанова?

– Одна справа, другая слева.

– Отлично. Итого – три машины.

– Куда ты клонишь?

– Узнаешь. Димка, вопрос к тебе. Что ты можешь сказать о тачке, которая справа?

– Форд Фокус, хэтчбек. Кому принадлежит, не в курсе, но...

– Плевать, кто владеец. На самую машину смотри. В чём она? Ну!

– В листьях опавших.

– Пять баллов тебе. Алис, твой ход. Машина слева тебя не настораживает?

– Нет. Я в марках не разбираюсь. Это Тойота?

– Алис, это мерс, – сказал я.

– Марка не столь важна. Главное – внешний вид.

– Классная тачка.

– Дим, я говорю о листьях. Почему вы не замечаете очевидного? Листья! Всё дело в опавших листьях. Смотрите, под тополями стоят три тачки, две из них в жёлтых листьях, а третья... прошу заметить, она принадлежит дяде Саше, практически чистая. Несколько листочков на крыше и капоте не в счёт. Какой делаем вывод? Форд и мерс стоят здесь минимум дня три. А степановская тачка совсем недавно была на ходу. Врёт дядя Саша, что безвылазно сидел дома. Говорил бы правду, его машина была бы в жёлтых листьях.

– Люська права.

– Наконец-то заметили!

– Получается, чисто теоретически Витька мог сесть к нему в салон.

– И наверняка сел. Не зря Степанов подъезжал к школе.

– Но какие общие дела могут быть у Комара и Степанова?

– Да никаких.

– Ой ли, Алис! Прежде чем утверждать, надо иметь на руках неопровержимые доказательства. Что мы знаем о Степанове? Занимается бизнесом, а каким – неизвестно. Деньги есть, но не столько, чтобы считаться уж очень обеспеченным. Значит, бизнес фиговенький. Про Комара молчу. Витька редкостный пофигист, он в любую историю вляпаться может.

– Возвращаемся к тому, с чего начали – Степанова необ-

ходимо просканировать.

– Кто этим займётся?

– Могу я, – предложил Димон. – Глебыч, ключ от скутера дашь?

– Само собой.

– Тогда по рукам. Мы с Димкой следим за Степановым, Глеб с Алиской пасут пра, – резюмировала Люська.

– Люсь, не пасут, а присматривают за пожилым человеком.

Люська показала Алиске язык.

В коридоре послышались шаги. Хитти сразу же проснулась, вырвалась из рук Алисы и, выскочив из кухни, подняла лай.

– Тише, детка, тише. Сейчас я всё улажу.

Войдя, пра сердито спросила:

– Милейшие, вы работать собираетесь, нет?

– В смысле?

– Что за бардак в вашем ресторане? Я жду заказа, а официанты лясы точат, – ткнув пальцем в Люську, пра потребовала: – Детка, изволь принести мне кофе с коньячком, за крайний столик.

– Неужели я тоже, дожив до её лет, стану такой... гм... неадекватной бабуленцией? – спросила Люська, когда пра вернулась в гостиную.

– Ты сначала доживи.

– Какой ты добрый, Глеб.

- Чего ждёшь, милейшая? – смеялся я. – Клиент сделал заказ.
- Предлагаешь ей и в самом деле коньяка в кофе налить?
- Она же просила.
- А пра не окосеет от такого заказа? В её сто двадцать с хвостиком коньяк пить вредно.
- Да ладно, плеснёшь капельку для вкуса.
- Люська взяла турку.
- За официантку меня ещё не принимали. Сначала обозвали Любаней, потом сравнили со столетней бабкой, теперь я официантка в ресторане. Атас вообще!

Глава третья

Женщина-кошка

Было около полуночи, когда я, подойдя к окну, увидел во дворе Степанова. Он не спеша дошёл до машины, открыл заднюю дверцу, достал белый полиэтиленовый пакет.

Я рванул в прихожую, надел кроссовки, схватил ветровку и выскочил на лестницу. Дорога была каждая секунда, поэтому дожидаться лифта не стал. Перескакивая через две, а то и три ступеньки, я нёсся вниз, в тревоге и возбуждении. Наверное, похожие чувства испытывает охотник, заметивший в лесу дичь, или парашютист, собирающийся сигануть вниз с борта самолёта.

Неизвестность манила и будоражила, и, хотя я понимал, что моя незапланированная вылазка из дома не имеет ниче-

го общего с безобидной игрой и, быть может, даже чревата серьёзными последствиями, всё равно испытывал приятное беспокойство. Мне казалось, я ничем не рискую и всё, что сейчас делаю, является частью тщательно обдуманного плана. Выбегу на улицу, сяду на скутер и начну слежку за тачкой Степанова. Неспроста он вышел из дома ночью, наверняка есть веская причина. Тем более учитывая ангину.

Удивительно, но я совершенно не брал в расчёт тот факт, что ночью дороги свободны от пробок и иномарка Степанова, рассекая по пустынной магистрали, моментально оторвётся от моего скутера. И быть замеченным я не боялся. Твёрдая уверенность, граничащая с какой-то абсурдной убеждённостью, гнали меня вперёд. Третий этаж, второй, первый... Вот и металлическая дверь, осталось протянуть руку, нажать на кнопку и раздастся противный писк домофона.

Нет, рисковать не стоит. Я быстро поднялся на один этаж, посмотрел в окно. Степанов всё ещё стоял у машины. Ну и ладно, пока он не сядет, буду торчать в подъезде.

Я позвонил Димону и зашептал:

– Привет, не спишь?

– Фильм смотрю.

– Слушай, тут такое дело. Степанов, кажется, собирается уезжать. Возле машины топчется, а я на первом этаже тусуюсь.

– Всё понял, буду через пять минут.

– Не, Димон, я один справлюсь. Я просто так позвонил, чтобы время убить.

– Ничего подобного! Я выхожу.

– А родители?

– Спят уже, не заметят.

– Только, Димон, в наш подъезд не заходи, Степанов может увидеть. Иди за кустами и постой немного под балконами.

И тут Степанов закрыл машину и не спеша направился по тротуару в сторону школы. Неожиданный поворот. Я рассчитывал на слежку на колёсах, а выходит, придётся следить за ним на своих двоих. Что ж, может, это и к лучшему.

Выйдя из подъезда, я снова позвонил Димону.

– Он к школе топает, я за ним. Догоняй.

Миновав школу, Александр Сергеевич перешёл дорогу, обогнул продуктовый магазин и, остановившись под рекламным щитом, стал звонить по телефону.

Запыхавшийся Димон подбежал ко мне, когда Степанов, закончив разговор, пошёл дворами к круглосуточному супермаркету.

– Глебыч, тебе не кажется, что он просто вышел прогуляться?

– Ночью?

– Смотри, в супермаркет моторит. Запросто мог за сочком выйти.

– У него ангина.

– Не факт. Ангина – отличная отговорка.

– Стой! Он обернулся.

– Но нас не заметил.

– Мог почуять слезку.

– Забей. Ничего он не почуял.

– Димон, смотри, опять обернулся, – я отскочил назад, прижался плечом к стволу тополя.

– Стрёмный он какой-то сегодня. Но оглядывается не по нашу душу.

– Ты обратил внимание, что он телефон из рук не выпускает?

– Вижу.

– Или звонка ждёт, или сам звонить собирается. О! Опять обернулся.

Прежде чем зайти в супермаркет, Александр Сергеевич убрал телефон в нагрудный карман куртки.

– Идём за ним или на улице останемся ждать?

– За ним, конечно. Только действуем осторожно – магазин практически пустой, запросто засветиться можем.

У входа Димон взял корзину.

– Зачем?

– Для маскировки. Ты видишь Степанова?

– Он за стеллажами с конфетами.

– Прикольно будет, если он конфет к чаю захотел, а мы успели из мухи слона сделать.

– Вряд ли дядя Саша за конфетами пришёл... Димон, он

идёт сюда!

Мы завернули за стеллаж с консервами и сделали вид, что увлечённо разглядываем на банках срок годности. Степанов прошёл мимо нас, разговаривая с кем-то по телефону. У стеллажей, заставленных посудой, он осмотрелся по сторонам, убрал телефон и двинулся вглубь торгового ряда.

– Нервничает. Глебыч, быстрее.

– Димон, зачем ты положил в корзину шпроты и паштет?

– Машинально.

Выглянув из-за угла, я вздрогнул.

– Ёлки-палки, опять идёт.

– Сюда?

– Уходим.

Стоя у бокового стеллажа, я взял пластиковый контейнер, Димон вертел в руках стеклянную миску.

Степанов торопливо направлялся к стеллажам с соками.

– Такое впечатление, что он сам не знает, зачем сюда пришёл.

– И я об этом подумал.

Дождавшись, пока две женщины и мужчина выберут сок, Степанов подбежал к крайнему стеллажу и начал пальцем отсчитывать стоявшие в ряд разноцветные пакеты.

– Что он делает, Глебыч?

– Считает.

– Чокнулся мужик. Как думаешь, можно свихнуться на фоне ангины?

– Я что, доктор?

Александр Сергеевич поставил ногу на нижнюю полку, затем ловко подтянулся, сбросив нечаянно на пол два пакета сока.

– Крышу у него сорвало капитально. Сейчас охранник прибежит. У них наверняка камеры здесь установлены.

Я во все глаза смотрел на Степанова, пытаюсь сообразить, для чего он залез на третью полку и ощупывает верхнюю, на которой вообще ничего не стоит.

Спрыгнув, Александр Сергеевич скрылся.

– Где он?

– Я его не вижу.

– Глебыч, давай разделимся: ты с той стороны обойди, я с... – Димон не договорил.

Степанов выскочил из-за угла и пронёсся мимо нас. К счастью он был настолько погружён в свои мысли, что не обратил на нас внимания.

В этот момент рядом с нами появился охранник. Димон взял с полки пакет сока, положил в корзину. Там, помимо шпрот и паштета, уже лежали стеклянная миска и скалка.

Наша беготня по торговому залу продолжалась. Дважды мы наблюдали, как Степанов вставал на стеллажи, пытаюсь что-то отыскать на верхних, как правило, пустых полках.

Он умудрялся растворяться прямо в воздухе, а когда мы начинали его искать, появлялся перед нами и с вытаращенными то ли от ужаса, то ли от возбуждения глазами перебе-

гал из одной точки супермаркета в другую.

По закону подлости, мы постоянно натыкались на охранника. И, что интересно, безумные передвижения дяди Саши его не волновали, на нас же он смотрел с подозрительной настороженностью. Корзина Димона была заполнена всевозможными вещами и продуктами. Он так искусно маскировался под ночного покупателя, что корзина уже сильно оттягивала руку.

– Капитально ты затарился.

– Не рассчитал, – прошептал Димон. – Надо было тележку брать. Глебыч, клянусь, если этот кузнечик ещё раз пробежит мимо нас, я ему подножку подставлю.

Стеллаж с канцелярскими товарами и рамками для фотографий был конечным пунктом Степанова. Именно там он нашёл то, что искал. С шестой полки – она располагалась на расстоянии двух метров от пола – Александр Сергеевич снял несколько больших рамок, просунул руку в образовавшееся отверстие и, издав радостный клич, извлёк оттуда небольшой свёрток.

– Глебыч, ты видел? Видел?!

– Тише. Вижу я.

– Так это он свёрток по всему магазину искал? Нехило.

– Узнать бы, что внутри.

Мы наблюдали, как Степанов торопливо прячет свёрток за пазуху.

– Не понял – и как он собирается пройти со свёртком ми-

мо кассы?

– Сейчас узнаем. Димон, бери свою корзину.

У самой кассы Александр Сергеевич взял пачку жвачки и, улыбнувшись кассирше, достал из кармана деньги.

Мы подбежали к кассе.

– Глебыч, она пробила ему только жвачку!

– И ничего не запищало на выходе. Рвём за ним, Димон.

– Ребят, разгружайте корзину, – сказала нам полная кассирша.

– Что? Какую корзину? Вы знаете, а мы деньги дома оставили, придётся возвращаться.

И мы побежали к выходу.

Александр Сергеевич опять разговаривал по телефону. Перейдя дорогу, он резко нагнулся (или делал вид, что завязывает шнурок, или действительно завязывал), потом так же резко встал и поспешил вниз по тротуару.

– В парк идёт.

– Скорее всего.

– Сколько там натикало?

– Пять минут второго.

– Ого!

– В парке он может нас засечь, надо увеличить расстояние.

– А вдруг упустим?

– Не думаю. В парке у Степанова назначена встреча.

– Почему ты так решил?

– Всё на то указывает. Он был в супермаркете, искал там

свёрток, нашёл его и идёт в парк. Зачем? Не на прогулку же он собрался. Свёрток надо кому-то передать.

– Жаль, мы без скутера. Попытались бы сесть на хвост тем, кто придёт за свёртком.

– Они могут прийти пешком.

– Ночью? Нереально. Наверняка на тачке подвалят.

В парке Александр Сергеевич сел на первую же скамейку, сунул руки в карманы куртки.

– Ждёт, – усмехнулся Димон. – И мы подождём.

– Странная всё-таки история. Солидный человек, бизнесмен... ночью, лазает по полкам в магазине.

– Ты же не знаешь, что в свёртке.

– А что бы ни было, Димон. Почему свёрток нельзя передать из рук в руки? Зачем столько сложностей?

– По этому поводу есть идея. Степанов сам не знал, где лежит свёрток. Что если этот свёрток предназначался не ему, а?

– Слушай, это мысль. По-видимому, так и было.

– Потому и ночью в магазин пришёл. Немноголюдно, тихо – ищи свёрток, никто слова не скажет. Он точно знал о существовании свёртка, загвоздка была только в стеллаже. Их там много, а нужен был конкретный.

– Димон, вроде машина едет.

– Да, я слышу.

– Он встал.

Мы сидели на корточках за спинкой широкой скамейки.

Отсюда была хорошо видна та, на которой сидел Степанов. А теперь, когда он встал и отошёл чуть в сторону, то оказался под ярким светом фонаря.

Небольшой микроавтобус остановился метрах в десяти от топтавшегося на месте Степанова. Дверь долго не открывалась, но Александр Сергеевич не подходил ближе. Похоже, он сильно нервничал, ожидая дальнейшего развития событий.

– Чего медлят! – раздражённо сказал Димон. – Давайте, не тормозите.

– Посмотри на номер.

– Грязью замазали.

– Неспроста.

– Степанов мог бы сам к ним подойти.

– Значит, не может.

Послышался негромкий сигнал, и почти сразу открылась задняя дверь. Из микроавтобуса вышла высокая женщина в обтягивающих кожаных брюках и куртке. На ногах у неё были чёрные кожаные сапоги на высокой шпильке. Глаза скрывались за тёмными очками, на лоб падала длинная чёлка.

– Она тебе никого не напоминает, Глебыч?

– Нет.

– Подумай хорошенько. Чем-то смахивает на женщину-кошку.

Я засмеялся.

– Есть немного.

При виде женщины Степанов сделал шаг вперёд, но она быстро вытянула руку, тем самым предупреждая, чтобы он оставался на месте. Решительным шагом она приблизилась к нему, и они, не сговариваясь, отошли к скамейке.

– Услышать бы, о чём они говорят.

– Говорит в основном она, Степанов только кивает. Димон, он свёрток достаёт.

– Ты был прав.

Взяв у Степанов свёрток, женщина протянула ему что-то взамен. Мы не разглядели, что именно. Александр Сергеевич заулыбался, сунул руку в карман и чуть склонил голову.

Женщина развернулась, сделала шаг по направлению к микроавтобусу, и вдруг обернулась к Степанову, вытянула правую руку. В руке у неё был пистолет.

– Глебыч!

– Димон, тише.

– Пистолет!

– Не ори.

– Измена!

Степанов не успел сказать ни слова. Женщина нажала на курок. Раздался негромкий выстрел. Александр Сергеевич замертво рухнул на асфальт.

Мы с Димоном сидели, боясь пошевелиться. При каждом выдохе у меня из горла вырывался свист, мне казалось, женщина в тёмных очках его обязательно услышит, и тогда нам конец.

Едва Степанов упал, из микроавтобуса выскочили два крепких мужика. Подхватив Александра Сергеевича, словно тот был большой плюшевой игрушкой, они бросили тело в салон и с шумом захлопнули двери.

Микроавтобус сорвался с места.

Глава четвертая

Командировка в Тюмень

Утром, посоветовавшись, мы решили пойти к Ольге Евгеньевне. Она жена, точнее, уже вдова Степанова, она должна узнать о несчастье первой.

– Наверняка тревогу забила, – предположил Димон.

– А мне Машку жалко, – Алиса сидела в кресле, прижимая к груди подушку. Рассказ о нашей ночной вылазке произвёл на неё настолько сильное впечатление, что Люське пришлось отпаивать её валерианкой.

– Идти всем вместе не имеет смысла.

– Я и не собиралась никуда идти, – Алиса поёжилась. – Вообще на улицу теперь выходить страшно.

– Пойдём мы с Глебычем, вы дома оставайтесь.

– Дим, а есть смысл идти к Степановой? Как вы ей обо всём расскажете?

– Как-нибудь придётся.

– Не представляю себе этого разговора. Я бы слова вымолвить не смогла. Глеб, наверное, вам лучше сразу в полицию пойти.

– Я думал об этом, но тогда они ломанутся к Ольге Евгеньевне. Такой же удар, только эффект окажется намного сильнее. Нет, пусть узнает правду от нас, а не от полиции.

– Ну, смотрите сами, – Люська пожала плечами. – Что же с Машкой будет?

Повисла пауза.

– Глебыч, срываемся, – сказал Димон. – Десять часов. Пора.

На этаже Степановых мы остановились, посмотрели друг на друга, помолчали. Слова казались лишними. У меня сильно билось сердце, вспотели ладони, было трудно глотать. Вот сейчас мы подойдём к двери, позвоним и будем ждать, когда откроют. А потом? С чего начинать, как сказать об этом Ольге Евгеньевне?

– Димон, я не могу.

– Я тоже.

– Голова разболелась.

– Слушай, Глебыч, рванём в отделение. Люська была права. Узнав о смерти мужа, Степанова запаникует, с ней истерика случится, придётся ещё врача вызывать.

Тут щелкнул замок, и дверь Степановых распахнулась. Я посмотрел на Димона, он прошептал одними губами:

– Мы по-па-ли.

Ольга Евгеньевна подошла к лифту.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Здравсьте, – кивнул Димон.

– Привет, мальчишки. Ждёте кого-нибудь?

– Нет... да... А Маша дома? – ляпнул Димон.

– Машка минут пятнадцать назад ушла. По-моему, к Рите.

Позвоните ей.

– Ага, позвоним.

Лифт открылся, Степанова шагнула в кабинку.

– Ольга Евгеньевна, подождите, – крикнул я.

– Глебыч, не надо, – замотал головой Димон.

Было поздно. Я решился. Хватит тянуть резину, в конце концов, мы не из института благородных девиц. Пришли поговорить со Степановой, значит, надо поговорить.

– Мы к вам пришли, – сказал я, когда Ольга Евгеньевна вышла из лифта.

– Слушаю вас.

– Речь пойдёт об Александре Сергеевиче.

Я обратил внимание, что Ольга Евгеньевна сильно сжала ручки сумки. Глаза слегка округлились, и, как мне показалась, она занервничала.

– Говори.

– Лучше в квартире.

– Глеб, а твой разговор не потерпит до обеда?

– Нет, Ольга Евгеньевна.

Громко выдохнув, Степанова открыла дверь, пропустила нас в дом и, скинув туфли, кивнула в сторону кухни.

– Только в темпе, через сорок минут мне надо быть у портнихи.

– Вряд ли вам удастся сегодня встретиться с портнихой, – сказал Димон так мрачно, что Степанова резко села на табуретку.

– Почему ты так говоришь?

– Ольга Евгеньевна, видите ли... вчера ночью...

– Сегодня ночью, – поправил меня Димон.

– Да, сегодня... ночью... мы видели на улице Александра Сергеевича... Он...

Ольга Евгеньевна запротестовала:

– Глеб, вчера утром Саша улетел в командировку. В Тюмень. Вы не могли видеть его ночью.

– Как в Тюмень? Вы уверены?

– Ребят, ну что вы, в самом деле? Конечно, уверена.

– А на чём он уехал?

– Улетел на самолёте.

– Это понятно, а до аэропорта как добирался?

– Я вызывала такси.

Димон сглотнул и уставился на меня.

– Глебыч, нам надо кое-что обсудить.

– Подожди. Ольга Евгеньевна, но, может быть, Александр Сергеевич всё-таки не улетел?

– Что значит, не улетел? Он уже отзвонился.

– Из Тюмени?

– Из Тюмени. Ребят, я не пойму, куда вы клоните?

– Мы и сами ничего не понимаем. – Димон встал и дёрнул меня за рукав:

– Глебыч, уходим. Ольга Евгеньевна, извините нас.

В дверях я спросил:

– А вы были дома вчера вечером?

– И днём, и вечером, и даже ночью, – улыбнулась Степанова.

Это был финиш. Мы с Димоном вышли на лестничную площадку и начали спускаться по лестнице. Ноги не сгибались, я шёл, как несмазанный робот.

– Такая фигня, Глебыч! Мы пришли сообщить ей, что она стала вдовой, а она огорошила нас этой Тюменью.

– Димон, это нереально. Степанов не мог улететь вчера утром. Мы же его видели!

Димон кивнул:

– Видели.

– Это был он. Не его двойник, не клон, не призрак, а сам Александр Степанов. Я собственными глазами видел, как он вышел из подъезда, открыл свою машину, возился с пакетом, а потом рванул в супермаркет.

– Но Ольга...

– Да врёт она! Не было никакой Тюмени. Понимаешь, не было!

– Но зачем, Глебыч?

– Ты не догадываешься?

– Нет.

– Димон, звучит это, конечно, жёстко, но... а вдруг она заодно с теми людьми?

– С той женщиной, которая стреляла в Степанова?

– Ну да.

– Не-е, Глебыч.

– Почему нет? Ты же слышал, по её словам, муж в Тюмени. Он убит, а она твердит о командировке. Зачем она это делает? Ответ очевиден – чтобы не поднимать волну. Никакой шумихи, никаких слухов об исчезновении человека, никакой полиции. Всё чинно, благородно. Степанов свалил в командировку и может пробыть там хоть месяц, хоть полтора.

– А дальше?

– Не знаю. Но пока у неё огромное преимущество – фора во времени.

– Ты думаешь, та тётка в очках – киллерша?

– Совсем наоборот. Киллерша не действовала бы так, как поступила она. Не забывай о беготне Степанова по супермаркету, о поисках свёртка. Свёрток – вот в чём дело. Баба его получила и пустила Александру Сергеевичу пулю в лоб.

– Тут без вариантов. Ну, а Ольга Евгеньевна каким боком здесь замешана?

Мне нечего было ответить.

– И в полицию не сунешься, – негодовал Димон. – Что мы им предъявим? Расскажем, как ночью в Степанова стреляла женщина-кошка? Ха!

– Вот именно – ха. Они к Ольге придут, а она им про командировку в Тюмень скажет. И будем мы выглядеть полны-

ми идиотами.

– Хотя есть ещё охранник в супермаркете и кассирша. Они наверняка запомнили Степанова. Что если поговорить с ними?

– Бесполезно. Сами они в полицию не пойдут, а для того чтобы полиция пришла к ним, необходимо заявление об исчезновении Степанова. Заяву может написать только жена. А здесь засада.

– Что ты предлагаешь?

– Для начала хорошенько проветрить голову. Пошли к девчонкам.

– Глебыч, а ведь с Комаром могли расправиться так же, как со Степановым.

– Чёрт! – я остановился.

– Ты чего?

– Мы сказали ей, что видели Степанова ночью. Если она в курсе событий, а она, конечно же, в курсе, мы выдали себя, Димон.

– Я об этом не подумал. Ты считаешь, она может принять меры?

– Кто её знает. Надо держать ухо востро.

– Мог бы не предупреждать.

В воскресенье утром Ольга Евгеньевна с Машей уехали в Пермь, якобы к внезапно заболевшей бабушке. Об этом я

узнал вечером от их соседки, словоохотливой пенсионерки бабы Лены.

– С двумя чемоданами в такси садились, – рассказывала баба Лена. – И сумка огромная. Оля сказала, мать совсем плоха. Вот дела-то какие невесёлые.

– Смылась с места преступления, – заявил Димон, когда мы поздно вечером собрались в моей комнате.

– Но зачем она Машку с собой взяла? – удивилась Алиса.

– А что её одну здесь оставлять?

– Но если заболевшая бабушка – миф, то куда они ломанулись? И чем Степанова мотивировала необходимость внезапного отъезда?

– Люсь, я не ясновидящий.

– Что у нас остаётся? Ровным счётом ничего. Комар пропал. Степанова застрелили. Ольга, которая явно что-то скрывает, скрылась вместе с дочерью в неизвестном направлении.

– Тупичок, – протянул Димон.

– Должен быть выход. Маленькая дверка, окошко или, на худой конец, неприметная лазейка. Безвыходных ситуаций не бывает.

– Глебыч, ты говоришь как психоаналитик. Всё это ерунда! Безвыходных ситуаций полно. И люди сталкиваются с ними ежедневно, тыкаются носом в каменную стену, ничего не в силах изменить.

– Значит, и мы потыкаемся. Я чувствую, в ближайшее время что-то произойдёт. Появится какая-нибудь ниточка.

– Интуиция тебе нащёптывает? – съязвила Люська.

– А хоть бы и она.

– Ну-ну. Посмотрим, что из этого получится.

Минут через двадцать, когда Алиса с Димоном собирались уходить, я вдруг вспомнил, что завтра у нас контра по химии.

– Прорвёмся, – отмахнулся Димон. – Главное шоколадку не забыть взять.

– Собираешься угостить химозу? – приснула Люська.– Она сладкого не ест – бережёт фигуру.

– Чего там беречь-то? Кожа да кости.

– Колись, зачем тебе шоколадка?

– Для Маринки.

– Так, это что-то новенькое. Теперь, пожалуйста, поподробней. И часто ты ей шоколадки покупаешь?

– Перед контрами. Она списывать даёт. Свой четвертак я заработаю.

– Смотри у меня, – Люська показала Димону кулак. – Не перекорми Маринку шоколадом, а то фингал заработаешь.

Все засмеялась, а из гостиной вышла пра.

– Молодые люди, нельзя ли орать потише? Вы всё-таки в музее, а не в парке.

Люська засмеялась, Алиса улыбнулась, а Димон хмыкнул:

– Слушайте, я так и не врубился – ваша пра приехала сюда лечиться или отдыхать?

– Иди уже, – Люська легонько стукнула Димона по лбу. –

Попрошу не издеваться над нашей пра. Ей, да будет вам известно, девяносто два года.

– Иди ты! – воскликнул я.

– Это правда.

– Откуда узнала?

– Я сегодня паспорт её смотрела.

– Неслабо, – Димон почесал затылок. – Девяносто два года! Держится для своего возраста огурцом.

– А где ты её паспорт видела?

– Из сумочки достала.

– Не стыдно тебе по сумочкам долгожительниц шарить?

– Глеб иди нафиг! Я имею право узнать, в каком году родилась мать моей бабушки.

– Девяносто два! – продолжал удивляться Димон. – Беру свои слова обратно. В таком возрасте лучше путать квартиру с музеем или рестораном, чем лежать под капельницей и тарашиться в потолок.

– Да ну тебя, Димка. – Алиса открыла дверь и вышла на площадку. – Капельницу зачем-то вспомнил. Пока, ребят! Завтра в школе увидимся.

Глава пятая

Всего понемногу

На контре по химии нас с Димоном ждал полный облом. Маринка забила на химию и после пятого урока ушла домой, а плитка шоколада так и осталась лежать у Димона в рюкзаке.

Переписав с доски задания, он безуспешно пытался решить хотя бы на тройку.

Мое положение оказалось таким же затруднительным. Перед уроком я встретился с Дроном из параллельного класса, и он дал мне шпору. У них контрольная была вчера, поэтому получив шпаргалку с решённым вторым вариантом, я уже приготовился списывать, но вдруг заметил, что задания на доске и задания в шпоре не совпадают. Это была измена. Не знаю, почему так получилось: то ли Дрон дал мне не ту шпору, то ли наша химичка что-то нахимичила, но факт остаётся фактом.

– Димон, шпора левая!

– А я вроде что-то решил. Два уравнения. Глянь, правильно?

– Нашёл к кому обратиться, – я краем глаза заглянул в листок Димона. – Не-е, здесь точно не так.

– Почему?

– А где хлор?

– Какой хлор?

– Обыкновенный. В первой части уравнения у тебя есть хлор и он вступает во взаимодействие.

– Ну!

– Во второй части у тебя его почему-то уже нет. Он улетучился, что ли?

– Ё-моё! Всё так круто было без него.

– Ага. Круто для тебя, но не для хлора.

- Нафига мы вообще химию учим? Зачем она мне нужна?
- Это ты у химозы спроси.

Пока Димон зачёркивал свои каракули, я попытался решить уравнение. Решал, решал и вроде бы решил. Теперь бы ещё узнать, правильно или нет. А спросить не у кого. Впереди сидит Светка Парамонова, но в химии она понимает меньше моего. Сама уже два раза оборачивалась и шептала: «Глеб, ты что-нибудь решил?» Я мотал головой, Светка закатывала глаза и отворачивалась.

На соседнем ряду сидит Сонька Яковлева – отличница. Но характер у неё... Из-за того что Сонька часто стучит на нас учителям, с ней мало кто общается. Сонька сама по себе, мы сами по себе. Зато о Яковлевой все дружно вспоминают на контрольных, когда времени до конца урока остаётся мало, а на парте лежит чистый лист. Тогда со всех концов слышен громкий шёпот – вот как сейчас:

– Сонь, – это Миха. – Сонь, дай списать второе уравнение.

– Сонька, ты всё решила? – Стасон тыкал Яковлеву ручкой в спину, нервно поглядывая на часы.

Сонька ехидно улыбалась, чувствуя себя хозяйкой положения. Списывать она даёт, но крайне редко и не всем. Я решил испытать судьбу.

– Стас, Соньку позови.

Стасон снова ткнул Яковлеву ручкой.

– Отстань, – шикнула Сонька.

– Тебя Глеб зовёт.

Сонька повернула голову.

– Сонь, – я скорчил гримасу и развёл руками, – напиши, как решать третье и четвёртое уравнения.

– Сонь, а мне первое, – попросил Димон.

Соня кивнула и отвернулась.

– Не понял, она согласилась, Глебыч?

– Вроде да.

– Не верится.

– Сейчас узнаем.

Прошло две минуты, и Сонька передала через Стасона клочок бумаги. Стас развернул его и начал читать.

– Стасон, давай сюда.

– Это Димкин вариант, – сказал он, бросив нам на парту скомканный лист.

Я поймал Сонин взгляд, и она знаком показала, что сейчас напишет мне решение двух уравнений.

– Глебыч, она издевается.

– Кто?

– Сонька.

– Чего она тебе написала?

– Ответ: гидроксид натрия (раствор) и карбонат кальция (осадок).

– Ну и?

– Что и? Как это по-русски будет?

– Ты даёшь, – я взял лист и начал писать. – Смотри сюда. Раствор гидроксида натрия – два, натрий, О АШ плюс оса-

док карбоната кальция – кальций, Ц О три.

– Понял. Спасибо.

Вскоре Соня передала Стасону сложенный вчетверо тетрадный лист. И опять Стасон открыл его, прочитал и... Вместо того чтобы отдать мне, начал переписывать решение.

– Стас! Стас, не наглей.

– Успеешь, Глеб.

– Пять минут осталось.

– Погодь.

– Стасон, гони листок!

– Ещё пару секунд.

Я уже собрался вырвать у Стасона листок и тут наткнулся взглядом на нашу химозу. Она стояла возле парты Яковлевой и смотрела на меня своим фирменным, как мы его называли, химическим взглядом.

– Глеб, сколько можно вертеться? Почему ты ничего не пишешь?

– Я пишу.

– Урок заканчивается. Поторопись.

Химоза всё стояла у первой парты, Стасон самозабвенно списывал решённые Сонькой уравнения, а я, задыхаясь от злости, сжимал и разжимал кулаки. Это ж чистой воды подстава. Неужели Стасон думает, что ему это с рук сойдёт? Сейчас прозвонит звонок, и я... Нет, устраивать разборку в школе не хочется. Разберусь со Стасоном на улице. Не первый раз он кинул мне подлянку, поэтому наверняка прекрас-

но понимает, что домой сегодня вернётся с фингалом.

Прозвенел звонок. Стасон вскочил, протянул химозе листок и направился к выходу. Я рванул следом.

Взяв мою контрольную, химичка сказала:

– Глеб, ты забыл подписать работу.

Стасон уже вышел из класса.

– Сонь, дай на секунду ручку, – и, не дожидаясь её ответа, я выхватил у Яковлевой ручку, нацарапал на листе свою фамилию и выскочил в коридор.

...Разобраться со Стасоном было решено возле его дома, в арке, недалеко от подъезда. Крутую драку я устраивать, разумеется, не буду, но как следует проучить Стаса считаю делом чести.

Странно, но Стасон пошёл совсем в другую сторону: он пересёк школьный двор, перешёл дорогу и не спеша потопал вдоль многочисленных магазинчиков. В этот момент позвонила Люська.

– Глеб, у нас сегодня дополнительные по алгебре, я задержусь.

– Зачем ты мне это говоришь? – Я заметил, как Стасон остановился у витрины и резко обернулся.

Я неуклюже отскочил назад и наступил на ногу усатому мужику в кепке.

– Затем! – кричала Люська. – Ты забыл, что дома пра? И с ней сидит Инга, я ей сказала, что сегодня мы будем дома около двух часов.

– Ничего с твоей Ингой не случится, посидит чуть дольше.

– Глеб!

– Я не могу сейчас. Дела! И потом, Люсь, Диана платит ей деньги, так что не парься.

– А ты где?

– Много будешь знать, скоро...

– Глеб!

– Всё, пока, – убрав телефон, я продолжил слежку за Стасом.

Конечно, можно было бы плюнуть и вернуться домой, но я не мог себе позволить дать задний ход. Решение я принял и даже морально подготовился к завтрашним крикам матери Стаса, которая обязательно примчится в школу к Штангенциркулю и обвинит меня в разбойном нападении на её драгоценного Стасика. Мать Стаса и наша завучиха хорошие приятельницы, и я готов поклясться, что Штангенцикуль не упустит шанса вызвать меня к директору, отчитать там по полной программе, пригрозив педсоветом и отчислением из школы.

И пусть. Для меня сейчас главное – поставить Стасона на место, иначе сам себя уважать перестану.

Стас заскочил в булочную, провозился там минут пятнадцать (я видел через стекло, как он топчется у кассы, считая мелочь), купил шоколадный батончик и пошёл дальше. Мне сначала показалась, он идёт просто так, бесцельно, проветривает голову после контры. Но метров через сто Стасон

притормозил возле магазинчика Горбоносой, постоял минуты полторы, поглазел по сторонам и толкнул стеклянную дверь.

Горбоносой мы прозвали хозяйку магазина «Всего понемногу» – за её длинный нос с внушительной горбинкой. Он сильно её уродовал, некоторых покупателей внешний вид старухи отталкивал, а маленькие дети начинали реветь. Сколько лет Горбоносой, я не в курсе. Ей запросто можно дать как шестьдесят, так и семьдесят, а то и все восемьдесят. Из-за длинного горбатого носа, серого лица, маленьких глазок, тонких губ и мышинового цвета волос возраст старухи не поддавался определению.

Свой магазинчик «Всего понемногу» она открыла в нашем районе несколько месяцев назад. Тогда многие говорили, что долго он не протянет – прогорит. Неудачное было местечко. Магазины здесь менялись с завидным постоянством. Сначала тут продавали ткани, потом сувениры, канцтовары, потом открылся видеосалон, а перед самым появлением Горбоносой в магазине торговали кормом для животных.

«Всего понемногу» оказалось самым подходящим названием для магазинчика: товар у Горбоносой был весьма разнообразен. Всем желающим предлагались многочисленные сувениры, копилки, шкатулки, подушки, пледы, цветочные горшки, нэцкэ, брелоки, старинные вещицы вроде древнего абажура и тяжёлых подсвечников, рассыпающиеся книги в кожаных переплётах, Например, моя помешанная на фэн-

шуй соседка несколько раз покупала у Горбоносой фигурки зверей: слоников, жабу, сидящую на монетах, различных хотеев и музыку ветров. Даже Люська однажды купила в магазине забавный коврик для ванной. Когда на него наступали, он издавал хрюкающие звуки, и создавалось ощущение, что наступаешь на поросёнка.

Цены у Горбоносой были занижены, и многих это удивляло. Покупатели не понимали, почему она просит за свой товар в разы меньше, чем другие продавцы за аналогичные вещи. Старуха вылетит в трубу, не раз говорил Димон, когда мы проходили мимо магазина. Но время шло, а в трубу его хозяйка не вылетала. Во всяком случае, пока.

В магазинчике постоянно пахнет ароматическими маслами, иногда вонь (я не могу назвать эти навязчивые острые запахи ароматами) настолько невыносима, что зайти внутрь просто невозможно. Кому-то такие нравятся, а меня от них тошнит.

Над дверью висит колокольчик, с появлением очередного посетителя он начинает противно звенеть, Горбоноса выходит из-за чёрной ширмы, улыбается недоброй улыбкой и спрашивает, чем может помочь. Если посетители улыбаются в ответ и говорят, что для начала хотят осмотреться, хозяйка медленно кивает и почему-то обязательно касается кончиками пальцев своих впалых щёк.

...Прошло уже больше сорока минут, я начал заметно нервничать, Стасон до сих пор не вышел, а мне жутко хоте-

лось есть. Может, забить на всё и пойти домой? А как тогда быть с делом чести? Нет, подожду, тем более на двери магазина висит график работы: с 8-00 до 16-00.

Сейчас десять минут четвёртого, уходить нет смысла, максимум через пятьдесят минут Стас точно появится.

В половине четвёртого я всё-таки решил сгонять в булочную за шоколадным батончиком: не мог уже бороться с голодом, желудок свело. А тут ещё толстый мужик в чёрном плаще, шляпе и перекинутом через плечо красном шарфе зашёл к Горбоносой, уплетая на ходу хот-дог. Моё терпение лопнуло. Толстяк с огромными, как у хомяка, щеками так аппетитно ел хот-дог, что я сдался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.